

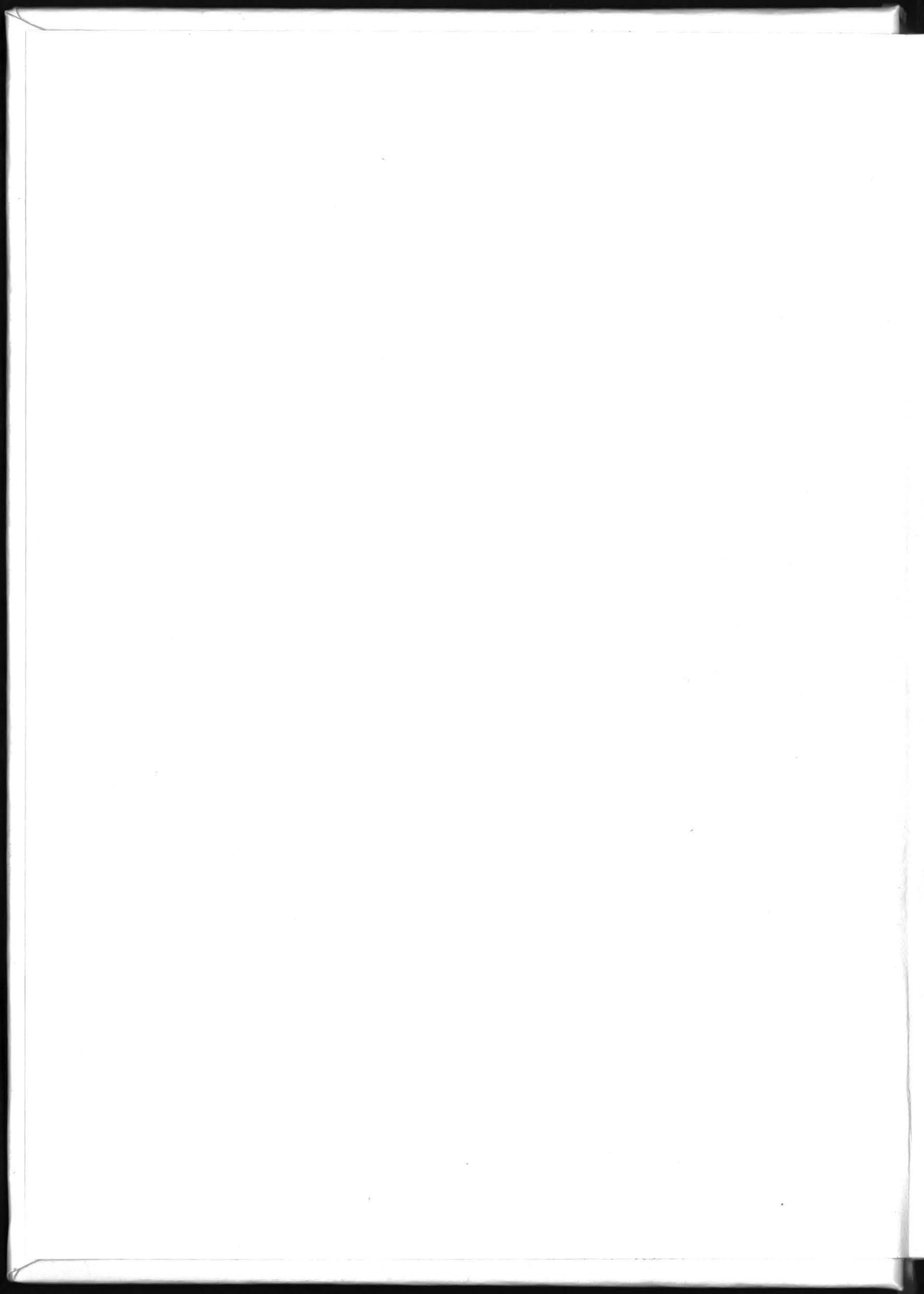
84 (2 = 4 + 1, 2) 6 - 7

1730

Олег ПЕТРОВ

АЗ, БУКИ... BUCOLICUS

Олег ПЕТРОВ

ИРОНИЗЬМЫ В ДВУХ ТОМАХ

том второй

Аз, Буки... Vicolius,

*или Тринадцать
подвигов Шишкина*

*Повесть в историях
с реальными сюжетами
и персонажами.
По понятным причинам,
изменены имена и место
событий. Любые
анalogии неуместны.*

Издательство ПАО «Республиканская типография»
Улан-Удэ • 2017

84(2=4pp.2)6-7

УДК 821-311.
ББК 84(2Рос=Рус)

П 30

В авторской редакции
и авторском дизайне

Рис. на обложке Л.Новицкого и Р. Банкобоева

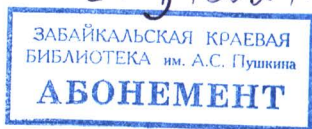

Петров, О.Г.

П 30 Аз, Буки... Vicolicus, или Тринадцать подвигов Шишкина: повесть в историях. / О.Г. Петров. – Улан-Удэ: Изд-во ПАО «Республиканская типография», 2017. – 424 с: ил.

ISBN 978-5-91407-152-0

УДК 821-311.
ББК 84(2Рос=Рус)

© Олег ПЕТРОВ, 2017

© Издательство ПАО «Республиканская типография», 2017

Выпуску 1977 года историко-филологического
факультета ЧГПИ имени Н.Г.Чернышевского

Олег ПЕТРОВ

**АЗ, БУКИ...
V̄COLICUS,**

или

**Тринадцать подвигов
Шишкина**

*Славьте, акыны, певцы, менестрели и барды,
Витязя нашего подвигов перечень длинный!
Пойте, фанфары! Звоните, цимбалы, литавры!
Девы, герою венок на чело возложите
Из благородного свежего лавра и злата!
Эй, виночерпии, кубок вина поднесите!
Смелость восславим, а с нею – умища палату!
Слава герою! Салют тебе наш, Победитель!*

Часть первая. «ТАМ, В СЕНТЯБРЕ...»

*Моя соседка работает учителем
словесности в старших классах. Се-
годня двадцать минут крыла матом
дворника и ни разу не повторилась!*

(Из наблюдений лингвиста)

Подвиг первый. ПОСРАМЛЕНИЕ ГИДРЫ ЗЛОВЕЩЕЙ, или Добровольная ссылка в Чмарово

1.

– А что же вы, Александр...ммм... – голова Гидры зловещей опустил глаза в список, – ...Сергеевич, в числе первых не зашли? Государственные экзамены сданы на отлично, красный диплом... Свободный, так сказать, диплом... – «Свободный» прозвучало так, словно выпускник-отличник – вольнодумец крамольный, который решил записаться в отряд анархистов или уже состоит в тайной секции народовольцев-бомбистов и даже уже подкрался с адским смертоносным издельем к карете государя-императора.

– Я так полагаю, что Александр обдумал моё предложение и согласится, – массивная, как сам стол, за которым восседала Гидра зловещая, пробасила Рахмиля Ахметовна, заведующая кафедрой педагогики и психологии родной «альма-матер».

– Вот как! – с интересом повернулся к ней голова. – На кафедру берёте?

– С удовольствием. Последняя курсовая работа Александра вполне может стать основой для кандидатской диссертации.

– Похвально!

Теперь голова Гидры зловещей повернулся к Александру и оглядел его с ног до головы.

Да, внешние параметры выпускника филологического отделения пединститута А.С. Шишкина вполне вписывались в стандарты облика аспиранта: осмысленный взгляд, хотя и с затаённой грустинкой, аккуратная причёска, без каких-то там новомодных патл, строгий тёмно-синий костюм, белая сорочка, скромный, аккуратно завязанный галстук, матовая чистота чёрных туфель... Разве что несколько длинноваты тёмные бакенбарды, наполовину скрывающие впалые щёки и вытягивающие без того худощавое лицо, но это не сильно бросается в глаза, если учесть рост – парень под два метра. Ещё бы эти усы мулявинские ему сбрить...

– Баскетбол? Волейбол? – спросил голова.

– Что, простите? – подал, наконец, голос и Представший пред Гидрой зловещей. Голос, отметила Гидра, подходящий для вещания прописных истин с трибун и преподавательской кафедры. А вот бакенбарды и усы – это, безусловно, укоротить...

– Каким видом спорта увлекаетесь? – Голову слегка покорило. Да, краснопдипломник, но перед грозной Гидрой вряд ли этично витать в каких-то там своих грёзах или размышлизмах.

– В наших сборных не играл, – тут же вставил член Гидры, доцент кафедры методики преподавания литературы в школе Иосиф Давидович Кацман, создатель и бессменный руководитель институтских команд по волейболу и баскетболу, пятидесятипятiletний колобок по прозвищу Живчик.

Живчик категорически не любил всех, кто был выше его ростом, за исключением играющих в четырёх (двух мужских и двух женских) командах, которые он патронировал. А рослых девушек, волейболисток и баскетболисток, даже обожал. Если учесть, что природа наделила Кацмана только метром и шестьюдесятью сантиметрами, нетрудно представить, каково приходилось у него на зачётах и экзаменах тем, кто перерос эту планку.

– Александр у нас, Игорь Игоревич, и без того... – тут же властно изрекла, благосклонно оглядывая Шишкина, Валентина Ивановна Пугачёва, парторг историко-филологического факультета, профессор кафедры истории КПСС и заместитель головы Гидры зловещей. – С первого курса Александр у нас редактирует факультетскую литературную стенгазету, в художественной самодеятельности активно участвует. – Валентина Ивановна чуть-чуть приподняла двойной подбородок и тут же стала поразительно похожа на императрицу Екатери-

ну Вторую, которую сволочные придворные портняжки для чего-то обрядили в жакет и юбку стального партийно-политического фасона.

– Похвально!

Глава опять оглядел выпускника с ног до головы. Но теперь во взгляде и тоне явно сквозил сарказм.

Игорь Игоревич Муратов, грозный проректор, доктор физико-математических наук и депутат областного Совета депутатов трудящихся, крепко сбитый мужчина пятидесятилетней выдержки, спорт любил во всех его проявлениях, особенно бокс и тяжёлую атлетику. Спорт и точные науки сформировали у него, да и то кабы не занимаемая должность, снисходительное отношение ко всяким гуманитариям и их деятельности: чем бы дитяtko ни тешилось, лишь бы не вешалось...

– Значит-ца, в психопедагогику решили податься? – вперил Муратов тяжёлый взгляд в Шишкина.

– Но вы тоже скажете! – обиженно поджала губы Рахмиля Ахметовна.

А Валентина Ивановна, сардонически улыбаясь, бросила демонстративный взгляд на широкий пиджачный лацкан проректора, украшенный депутатским значком. Проректор намёк понял: на днях началось всенародное обсуждение новой Конституции страны. Представительные органы власти из советов депутатов трудящихся переименовывались в советы народных депутатов, что влекло, соответственно, досрочное прекращение полномочий нынешнего депутатского корпуса. А если учесть, что новая Конституция особо подчёркивала руководящую и направляющую роль Коммунистической партии в советском обществе развитого социализма, то... сами понимаете... народное волеизъявление в отношении желающего и далее депутатствовать Игоря Игоревича целиком и полностью зависело от желания парткома института. Которое, конечно, требовалось помножить на желания районного, городского и областного комитетов КПСС.

– Что ж, толковые молодые учёные – наше будущее, – тут же провозгласил Игорь Игоревич, старательно впрыскивая некую, условную, теплоту в сырую стынью взгляда и голоса. Но не смог удержаться, чтобы не повторить:

– Так что, надо было... ммм... Александр Сергеевич, зайти первым, сразу бы, без формализма. Всё порешали бы. Скромность, конечно украшает...

– Скромность тут ни при чём... – Шишкину удалось второй раз подать голос.

– Так, так... – встрепенулся доцент Кацман. – А что же?

Александр виновато посмотрел на завкафедрой педагогики и психологии:

– Рахмиля Ахметовна, вы уж меня простите великодушно... Вынужден отказаться от вашего предложения... Полагаю, что рано мне ещё в науку. Практического опыта поднабраться надо, а так я не могу... Не созрел пока для аспирантуры.

– Алекса-андр! – обескураженно, с укоризной вымолвила Рахмиля Ахметовна, даже её басок прозвучал как-то смазанно, почти бари-тонисто.

– Не набивайте себе цену, молодой человек, – буркнул доселе молчавший начальник институтского отдела кадров Н.Н. Морхов (как гла-сила табличка на дверях его кабинета).

Пятый член Гидры зловещей – фигура таинственная, загадочная для студенческой братии. Со студентами по всяким кадровым поводам общались немногословно-надменные инспекторши-кадровички, сидевшие в соседнем от Морхова кабинете – за высоким и неприступным, как крепостная стена, деревянным барьером. А главного кадрового начальника Шишкин, например, впервые за четыре года лицезрел.

– И где же вы решили этого самого практического опыта поднабраться? Отец обеспокоился?

Н.Н. Морхов сверкнул нержавеющей зубом. Скрипучий голос завершил сходство кадровика с буржуинским шпионом из киноленты про Мальчиша-Кибальчиша.

– У нас в семье это не принято! – показал зубы и Александр. Осведомлённость «буржуинского шпиона» злила. Понятно, что тому по должности положено владеть максимальным объёмом информации как о постоянном, профессорско-преподавательском, так и о переменном, студенческом, составе, но зачем же так...

– Ну а, всё-таки, куда лыжи-то наострили? Право имеет...

Последнее было сказано так, что Шишкину тут же стало мучительно стыдно за наличие у него права.

Н.Н. Морхов повернулся к обворожительной, прелестной Эльвире Батистовне Ангорской, умело намакияженной, крашеной в блондинку даме лет сорока из областного отдела народного образования.

– Откуда на Шишкина отношение-заявка имеется?

Дама из облоно, шестая в Гидре, прошуршала разложенными перед ней бумажками и отрицательно покачала головой.

– Странно... – с подозрением уставился Н.Н. Морхов на Шишкина. Аналогичные взгляды скрестили на долговязой фигуре выпускника теперь уже и остальные члены Гидры зловещей.

– В сельскую школу поеду...

– Куда-а?! – в унисон возопили члены Гидры зловещей.

Впрочем, хватит интриговать нынешнего читателя некой Гидрой зловещей. Былое студенческое племя прекрасно помнит, что это за Гидра, никакого отношения к греческой мифологии не имеющая.

Да! Это всего лишь вузовская комиссия по распределению выпускников.

Было такое время, – хотите, нынешние молодые люди, верьте, хотите нет, – когда свежеиспечённый дипломированный специалист не ломал голову, как и где применить полученные знания. Наоборот, тоскливо, а то и со страхом, ожидал: какую дыру, в какой «глубинке» заткнут его персоной минимум на три года. И на какие только ухищрения не шли без пяти минут педагоги, врачи, инженеры, дабы смягчить оный удар судьбы.

Об ужасах распределения ходили такие страшилки, которые до сих пор не сняты даже самым продвинутым сценаристам Голливуда.

Вот почему члены комиссии были шокированы ответом благополучного во всех отношениях Александра Шишкина. Унисонный вопль «Куда-а?!» проистёк от услышанного словосочетания «сельская школа». Но Шишкин понял этот крик-вопрос конкретно. И пожал плечами:

– Да, собственно, мне всё равно... Я поэтому и не рвался в первых рядах. Выберу из того, что осталось...

– Странно... – процедил главный кадровик и взялся просвечивать Шишкина всепроникающим, поистине чекистским взглядом. На что Александр отвечал взором максимальной простоты и кротости.

– А осталось, благородный вы наш... э-э-э... подвижник педагогического труда, – вновь не удержался от сарказма председатель комиссии, – всего семь населённых пунктов, где имеются средние школы. Небогатый выбор...

– Ничего сложного, – усмехнулся Шишкин. – Позвольте полюбопытствовать, какая деревня, при оставшихся вакансиях, ближе других к областному центру?

Доцент Кацман пристально посмотрел на Александра, совершенно справедливо предположив, что потенциальная звезда «психопедагогики» перешла из режима ожидания «приговора» в режим издёвки, подаваемой под соусом некоей филологической изысканности.

Тем временем Эльвира Батистовна вновь пролиставала лежавшие на столе бумаги и нашла искомое.

– А ближе всего...

(Дорогой читатель! Чтобы никого даже ненароком не обидеть в дальнейшем повествовании и избежать досадных случайностей, поступим по законам жанра. Мой гениальный однофамилец (пусть и в литературном аспекте) и его не менее гениальный соавтор, как помнится, вводят главного героя своих бессмертных романов «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок» в вымышленный Старгород со стороны столь же вымышленной деревни Чмаровки. Позволю себе наглость этим воспользоваться.)

– ...А ближе всего располагается село Чмарово, где уже полгода нет учителя русского языка и литературы. Вернее, свободна одна ставка. Нагрузку в минувшем учебном году там делили, как нам сообщили из районо, директор школы и второй словесник, но этот самый второй словесник на днях ушла в декрет. Так что на новый учебный год в школе возникает серьёзная проблема, – исчерпывающе изложила ситуацию Ангорская.

Проректор прищурился с таким видом, словно намеревался нанести выпускнику Шишкину прямой в челюсть или хотя бы опустить ему на голову чугунный блин штанги.

– Действительно, рукой подать, – кивнул главный кадровик.

– Рукой подать... – сработал эхом доцент Кацман. – И какова длина этой руки?

– Да где-то километров двести получается, – ответил всезнающий Н.Н. Морхов. – По нашим забайкальским меркам – рядом.

– А вы, оказывается, шутник, Никита Никодимович, – качнула головой Рахмиля Ахметовна и с материнской жалостью посмотрела на фактически уже бывшего студента Шишкина. Огорчило её, конечно, не расстояние до упомянутого села. По сибирским понятиям рассто-

яний, в самом деле, рукою подать. Огорчил, – нет, встревожил даже!
– отказ от места на кафедре.

Со студенческих лет погружённая в науку, Рахмиля Ахметовна того даже в ночном полусонном кошмаре представить не могла. Лекции и семинары по педагогике и психологии, научно-практические конференции, симпозиумы и «круглые столы», статьи в научные журналы, авторефераты диссертаций и монографии заменили ей семью, близких друзей, театр, художественную литературу, кинематограф и всё остальное, не вписывающееся в круг научного поиска. Одновременно, как-то незаметно, погружение в науку лишило ориентации в элементарных бытовых жизненных реалиях, как и способности без видимых странностей общаться с окружающими. Не от мира сего – так обычно характеризуют подобный человеческий типаж. Оказывается, такая трансформация не обходит стороной и докторов психологии. Парадокс? Или нет никакого парадокса?

Шишкин же с удивлением смотрел на Н.Н. Морхова. Надо же, сколь замысловато сложилось у дяденьки с имя-отчеством. Интересно, почему он, Шишкин, был так уверен, что главного кадрового начальника «альма-матер» кличут Николай-Николаичем? Александр тут же взялся разматывать в обратную сторону логическую цепочку своих умозаключений – он любил такое занятие, видимо, из-за пристрастия к детективной литературе, – но на этот раз ничего не вышло. Может быть, и вышло бы, да только неудачно были выбраны место и время.

– ...Шишкин! Да что с вами?! Где вы опять витаете? – из индуктивно-дедуктивных дебрей Александра вырвал возмущённый возглас проректора. – Так вы, что же, готовы поехать в Чмарово?

Просторную аудиторию на миг сковала трагическая тишина.

– Чмарово?.. Какое Чма... Ах, да... Извините... Да, да, Игорь Игоревич, конечно, поеду. Извините... Я могу идти?

– Свободен, – буркнул проректор.

С этим Шишкин и вышел вон.

– Переучился мальчик... – проводил злорадным взглядом долговязую фигуру Иосиф Давидович. – Да и, видимо, по общественной линии перенапрягся. Слабовата жилка! Зря со спортом не дружит. Чем стенгазеты рисовать, лучше бы в спортзале...

– Эт-точно, – кивнул проректор. И тут же пожалел о сказанном, потому как Валентина Ивановна вдруг с такой палаческой грустью в

очередной раз выразила своё сожаление доценту Кацману по поводу его беспартийности, что у того по всему телу эскадронам гусар летучих пронесли мурашки, а топот эскадронных копыт услышали все присутствующие.

– Нет, определённо у Саши что-то произошло. Он всегда такой собранный... – обеспокоенно прогудела в сторону закрывшихся дверей Рахмиля Ахметовна.

– Да, что-то здесь неадекватно, – изрёк Никита Никодимович, которому было совершенно наплевать, что и как там с этим Шишкиным. Выбывает из институтских списков – ну и точка.

– А мне, товарищи, кажется, что решение выпускника очень здравое и осмысленное. Всем бы вашим подопечным такое понимание обстановки на селе, – обворожительно улыбаясь проректору, сказала Ангорская. – Что мы с вами здесь видели за... – Она глянула на своё изящное запястье, украшенное не менее изящными золотыми часиками. – ...за, практически, четыре часа нашей работы? Унылые, извините, физиономии. Большого желания ехать работать в сельскую школу я не заметила. Всем бы в городе устроиться, в областном центре. Эти скоропалительные браки, беременности... – Она снова одарила проректора ослепительной улыбкой, что невольно заставило его приосаниться.

«Ходок, ходок...» – в который раз подытожила Валентина Ивановна со всей своей тайной партийной принципиальностью. Вслух озвучила самое долгожданное для всех без исключения членов комиссии:

– Плотно поработали, коллеги. Приглашаю на чашку чаю в нашу факультетскую столовую. Выпускники там чего-то наготовили...

Выпускники, конечно, постарались, чего уж там. Но автор этих строк не садист, чтобы подвергать читателя изощрённым пыткам – описанием скромного стола для чаепития комиссии.

А вот обеспокоенность Рахмиля Ахметовны без внимания оставить невозможно, потому как, при всей своей отстранённости от объективной реальности, доктор психологии угодила в самую точку. Александра Шишкина, с блеском завершившего обучение на учителя-словесника, стопроцентного городского мальчика, к добровольной ссылке на село могло подвигнуть только Нечто. Катаклизм! Катастрофа!! Армагеддон!!!

Да! Александр Сергеевич Шишкин являлся настолько урбанизированной личностью, что представить его на фоне сельского пейзажа

можно было только в двух случаях: на весёлом пикнике или при неких форс-мажорных обстоятельствах.

Пикничок – это понятно. Буколистический фон в «пикничковой» ситуации – явление кратковременное и приятное. И созерцать его при хорошей погоде, в соответствующей экипировке, с приличными «фуражными» запасами, а также при прочем тщательно продуманном материально-техническом обеспечении, можно бесконечное количество раз, даже иногда растягивая на двое-трое суток: с тасканием рюкзака за спиной, с аскетизмом палаточных ночёвок и вливанием в уши гитарно-бардовских поделок под треск костра.

С форс-мажором – посложнее. На то это и обстоятельства непреодолимой силы. Впрочем, за двадцать один год, прожитый Александром на планете Земля, форс-мажорные обстоятельства у него возникали всего четыре раза. И все четыре раза они были связаны с родной «альма-матер», и все четыре раза подкатывали в сентябре. То есть были заведомо ожидаемы, однотипны и даже вполне заблаговременно преодолимы, но Александр сознательно встречал их лицом к лицу. И активно противостоял форс-мажорной напасти с упёртостью Ивана-крестьянского сына в его битве с Чудо-юдо змеем на Калиновом мосту.

Эти форс-мажорные обстоятельства выглядели несколько менее трагично, чем землетрясения, наводнения или буйные лесные пожары. Это были обязательные студенческие десанты на картошку – помощь пригородным совхозам в уборке урожая корнеплодов. Четыре года учёбы – четыре десанта. Первый месяц нового учебного года всегда накатывался корнеплодным форс-мажором: массовым ручным сбором на бескрайних полях вывороченных тракторными копалками картофельных клубней, свёклы, морковки и турнепса. Иногда образовывалась и сеча – капустных кочанов. Но чаще всего ударная битва шла за «картофан». Справедливости ради отметим: совхозное начальство встречало дармовую рабсилу радушно, кормили незатейливо, но сытно, размещали в очагах культуры – сельских клубах, щедро набивая матрацы сеном, даже выдавая старшим групп под роспись подушки и одеяла с простынями на каждую человеко-единицу. И местное население относилось к шумливому студенчеству с пониманием, безо какого-либо злорадства – дескать, уж замарайте белы рученьки, нахлебники городские.

Некое исключение среди аборигенов составляла допризывная и только что отслужившая срочную в армейских рядах молодецкая поросль. Играли гормоны, и каждый вечер выхлопные газы от нещадно трещащих изделий отечественного мотопрома из Минска и Коврова удушливым сизым облаком окутывали ступени того или иного временно наполненного студентами очага культуры. Владельцы облезлых железных коней, ободренные дозами неизвестного спиртного, чаще местного производства, начинали традиционный штурм упомянутого очага, стремясь таким образом добиться благосклонности понаехавших городских барышень.

Мужеская часть временных обитателей «очага», как правило, штурм отбивала, особенно если в связке с филологами оказывались «конные» подразделения, или попросту «кони» – непобедимый отряд спортфака.

Спортфаковцы, как правило, селились где-нибудь отдельно, предпочитая местные спортзалы, а при их отсутствии – совхозные сеновалы и прочие места пониженного комфорта, но более удобные для тренировки мускулов. Физическая нагрузка на бескрайних полях битвы за урожай была для них явно незначительна, и, видимо, поэтому после трудового дня команды спортфака бодро прогуливались по сельпоселению. А может, попросту действовала привычка: спортфак всегда был добровольной опорой для милицейских сил охраны общественного порядка на улицах и площадях областного центра.

Хотя, нет, конечно, эта привычка тут ни при чём. Попросту хлопцы приходили навестить товарищей по институту. А тут эти местные мотоциклисты... Которые, конечно, очень скоро разъезжались... Правда, пару-тройку раз за сезон вовремя подоспевшее совхозное начальство или сила правопорядка в лице местного участкового оказывались как нельзя кстати.

Адреналиновая составляющая картофельно-свекольных форс-мажоров будоражила кровь и была сопоставима, по убеждению Александра, с эпизодами пенталогии о Кожаном Чулке Джеймса Фенимора Купера.

Примерно в этом же направлении рассуждал и Сашин отец – Сергей Петрович.

– Не хрен, – гудел он, в очередной раз слыша про надвигающийся на единственного сына сентябрьский форс-мажор, – не хрен под

мамкиной юбкой отсиживаться! А ты, мадама, – цыть! – пресекал в зародыше Сергей Петрович очередную попытку супруги спасти драгоценное чадо от ужасов пригородных плантаций. – Ты кого из него ростишь? Изнеженного белоручку или мужика?!

– Но и не мужика! – парировала Альбина Феокистовна с профессиональной невозмутимостью и непреклонностью.

За четверть века супружества к раскатам грома мужа, высокого, богатырского телосложения и такой же силушки, без особых видимых усилий сгибающего на пятидесятом году жизни в пальцах медный пятак, она привыкла. С гордостью, особенно на людях, озирала его, задирая голову, так как едва доставала ему до плеча, но никогда и ни при каких обстоятельствах не дрожала от всех этих раскатов. Только морщилась при очередном наиболее оглушительном рыке.

– Ты хотя бы дома стены не сотрясай! – увещевала она супруга грудным контральто. – Ори в своём депо, а дома не заставляй меня мигренировать.

– Ты опять?! Я сколько раз просил тебя избавиться от этого оскорбительного тона. Де-е-по! – передразнивал Сергей Петрович супругу, наливаясь багрянцем помидорных оттенков. – За столько лет так и не уразумела, что такое железная дорога! Да это кровеносная система государства!!

– Ага, а ты в ней, конечно, одно из сердец! Регионального масштаба...

– Чего ты несёшь! Сердце... хм... регионального масштаба... А ещё медик! Сердце в любом организме – одно!

– Ошибаетесь, милейший Сергей свет Петрович! Вон у жирафа – два, а у осьминога – три. И кстати, последний товарищ – с голубой кровью. Или червячка дождевого возьми, которых ты на рыбалках своих изводишь, – целых пять сердец!

– То-то его разорвешь, а ему хоть бы хны. Был один – стало два!

– А ещё есть отвратительнейшая на вид рыба миксина, такой здоровенный полуметровый червяк. У неё четыре сердца. Триста миллионов лет уже в водах мирового океана обитает. Хищница, падаль жрёт. Выгрызает дыру в теле, проникает вовнутрь и выедает трупы погибших морских животных изнутри...

– Альбина! Ты хотя бы перед обедом воздержалась!

– А что я такого сказала? Малость просветила ваше рыбацкое величество... Хорошо, пусть сердце будет одно – министр ваш, заседавший в столице. А ты тогда кто? Эритроцит? Лейкоцит? Или ещё не оторвавшийся тромб?

– Я – заместитель начальника железной дороги, – веско бросал Сергей Петрович, благородно проглатывая сравнение с тромбом, но обычно добавлял: – И груз ответственности, лежащий на мне, несоизмерим с твоей клистирно-пробирочной вознёй. – При этом Сергей Петрович делал такую гримасу, которая могла заменить любое рвотное.

Тут уже взвизвалась Альбина Феокистовна, вторую пятилетку возглавляющая областную санэпидемстанцию.

Стрелка семейных весов при этих дуэлях иногда более часа моталась из стороны в сторону. На одну чашку весов валом сыпались рельсы, шпалы, стрелки, семафоры, сходы подвижного состава и виноватые стрелочники, на другую – жуткие эпидемии, пандемии, эпизоотии, эпифитотии, повсеместный мор и полчища грязноруких работников торговли и общепита без санитарных книжек, но склонных к ЗППП, как и к разведению в качестве домашних животных сальмонеллы и холерного вибриона.

Вот содержимое второй чашки, помноженное на материнскую любовь, и руководило Альбиной Феокистовной в её протесте очередному выезду сына на поля битвы за урожай. При её должности, личных и служебных связях в лечебно-профилактической сфере удовлетворить протест было несложно: одна маленькая медсправка могла бы устранить для студента Шишкина не только форс-мажорные обстоятельства, но и породить по его адресу искренние сопереживания и неподдельное сочувствие лучшей части профессорско-преподавательского состава.

Собственно, и даже так далеко не надо было заходить. Достаточно было бы телефонного звонка в деканат факультета:

– Анатолий Иванович? Здравствуйте! Областная санэпидемстанция беспокоит. Не отвлекаю от учебного процесса? Да, нет-нет, что вы, никаких проблем. Это мама вашего студента-филолога Саши Шишкина. Как там мой?.. Спасибо, спасибо... Я-то, собственно, что вам позволила... Поблагодарить хочу. Саша вашу факультетскую столовую хвалит. Я даже, как мать, ревную... Но, с другой стороны, рада, что

у вас такая забота о питании студентов. Так вот... Я тут план-график работы городской СЭС просматривала... Смотрю, а они проверок общепита в вузах позапланировали на следующий квартал... Посоветовала им лишний раз к вам не лезть, других забот хватает. Да что вы, не за что!.. Извините, что отвлекла. А за сына – спасибо...

– Только попробуй брякни! – хмурил брежневские брови Сергей Петрович. – Смотри, если узнаю... Никаких поблажек! Никому! И общепит в тонусе держать, и собственного сына! Обязан быть, как все! Никто ещё не надорвался от пары-другой недель физического труда на свежем воздухе да при здоровой деревенской пище. А уж от коллектива отрываться – самое последнее дело. Коллективизм – стержень нашей жизни! Это на Западе все по индивидуальным нормам. Вот и загнивают! А у нас – плечом к плечу! Тем и сильны! – превентивно грохотал отец.

И Александр был с ним полностью согласен. Насчёт коллективизма, а главное – избавления на целый месяц от всеобъемлющей родительской опеки.

Альбина Феокистовна, отдать ей должное, мнение мужа уважала и всегда учитывала, принимая решение или определяя своё поведение. В глубине души, конечно, была с ним согласна: сын не дочка, и мужественность мальчику необходима на жизненном пути. Поэтому скрепя сердце деканат не беспокоила, но все четыре институтских сентября изнывала от понятной материнской тревоги.

А ныне её сердце уже не только наполнилось тревогой, но и нехорошим предчувствием. Предчувствие её не обмануло...

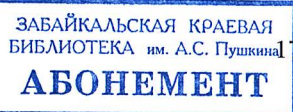
2.

– Да что же это такое... Сашенька, ты шутишь? – Альбина Феокистовна клала под язык очередную нитроглицеринину и запивала противный вкус растаявшего шарика не менее противной валерьянкой. – Господи, кому нужны такие эскапады! – вскрикивала она, глядя на невозмутимого сына, который, похоже, всерьёз настроился пережить родительскую бурю.

В прихожей вякнул дверной звонок. Альбина Феокистовна порывисто кинулась отпирать двери. И тут же загрохотали шаги Командора.

2. Заказ 114

с. 75224

– Ты чего творишь, а?! – рявкнул, показавшись в дверях гостиной, отец. – Ты чего творишь? Мать раньше времени в могилу решил свети?

Он протопал к столу и грузно опустился на жалобно скрипнувший стул.

– Отвечай, поганец, как ты до такого додумался?

Альбина Феоктистовна бесплотной тенью прошмыгнула в комнату за спиной супруга и безвольно притихла в уголке дивана, всем своим видом невольно иллюстрируя облик кандидатши на погост.

– Я к кому обращаюсь? Напакостил, а теперь со страха язык проглотил? – Отец багровел, но привычных ассоциаций с помидорами это не вызывало. С кровопролитной резнёй гугенотов в ночь Святого Варфоломея – да, а со спелыми помидорами – нет.

Первоначально Александр, не сомневаясь в однозначности родительской реакции на известие о результатах распределения, в самом деле планировал отмолчаться. Ну хватит мать стопку корвалола, ну прогремит стандартный набор отцовской риторики... Но вот эти «поганец», «напакостил»...

– Ты чему меня учил? – негромко спросил он, немигающе уставившись на отца. – Чему? Мужиком расти? А чего же ты сейчас на меня орёшь? За то, что я решил, твоим же призывам следуя, не отсиживаться, как опять же ты любишь говорить, под мамкиной юбкой?..

– Ох-ох-ох! – насмешливо проговорил Шишкин-старший. – Последние грибы и те на дыбы! Ты эти антимонии для ваших комсомольских собраний побереги! А дома не хрен комедь ломать! Мы-то с матерью знаем, какой из тебя Павка Корчагин. Вкусно пожрать, сладко поспать да очередную чувырлу в кабак стаскать, а после в койку завалить!

– Серёжа... – простонала маман Шишкина.

– Молчи, защитница! Иди, гоголя-моголя ему набултыхай да потом ротик ему салфеточкой подотри! Ге-е-рой, жопа с дырой! Отмёрзнет она у тебя без городского сортира, отмёрзнет!

– Ну у тебя же не отмёрзла! – вставил Александр.

– Сашенька, да как ты с отцом... – жалобно раздалось с дивана.

– А что я? Не ору, не обзываюсь. Цитирую...

– Ну-с, – повернулся к супруге на взывшем стуле Сергей Петрович. – Теперь ты понимаешь, кого ты вырастила? Законченного эгоиста!

«Сейчас кулаком по столу долбанёт», – подумал Александр, но с удивлением отметил, что ошибся. Отец сдержался, и даже багрянец на его щеках потерял яркость.

– А знаешь, Аля... – Шишкин-старший помолчал пару мгновений.

– А и пускай! Пускай мурцовки отведают! Да, правильно! Я в его годы уже пятилетку в путевых обходчиках оттрубил – и ничего!

Эти «путевые обходчики» являлись постоянным припевом в разговорах «отцов и детей».

Были, были в далёком, как казалось Александру, прошлом Шишкина-старшего промеренные-перепромеренные пешим ходом «рельсы-рельсы, шпалы-шпалы». Однако потом в отцовской трудовой биографии грянули кардинальные перемены, которые мало подходили в качестве ссылок на автобиографические примеры трудового мужества. Поначалу передового обходчика избрали в районные депутаты и предложили скромную должность в дорпрофсоже, потом профсоюзная стезя перешла в скромную, но руководящую работу.

По номенклатурной лестнице Сергей Петрович ступал аккуратно, с пониманием, потому с годами и обрёл нынешний солидный статус замначальника управления железной дороги. Ведал кадровой работой на солидном по протяжённости участке Транссиба, обеспечивающим грузопассажирыские перевозки в масштабе двух сопредельных регионов.

– О чём ты говори-ишь!.. – протяжно простонала Альбина Феоктистовна. – Деревня... дикость... отсутствие элементарных бытовых удобств... Печка... дрова... Приживальцем у чужих людей! Ванька Жуков в двадцатом веке! Только и счастья, если ещё чем-то сносным накормят, да в тёплом углу спать придётся... А зарплата учителя? Это же месть бюрократов за отравленное учителями детство!

«О, мать выдаёт нехилые афоризмы! – восхитился Александр. – Надо не забыть, записать». И он тут же устыдился собственного цинизма в столь драматический миг.

Недалёкое сельское будущее пока представлялось Шишкину-младшему белым, только что загрунтованным полотном, но первые штрихи, брошенные на холст матерью, впечатляли. И, к сожалению, не в оптимистическом ракурсе.

– Саша, ну какая деревня? Какой из тебя сельский учитель! Господи... – Альбина Феоктистовна заплакала. Приём в семье Шишкиных запрещённый в силу его высокой эффективности.

– Перестань щазже и успокойся!

Отцовский кулак всё-таки бухнул по столу. По комнате поплыл мелодичный перезвон хрусталя в горке.

– Перестань щазже! – уже мягче, почти что как бы уговаривая, сказал Сергей Петрович и тяжело вздохнул. – Перестань... Он и четыре года назад наплевал на родительские советы... Выбрал себе профессию! Ни богу свечка, ни чёрту кочерга!

«Ишь ты, – подивился Александр. – До сих пор проглотить не могут!.. А что было тогда такого в его выборе? Сами же и прирастили к чтению...»

Мысли тут же перескочили на семейную библиотеку. Вот чего заметно будет не хватать на новом месте.

Да уж... Библиотеке Шишкиных могла бы позавидовать любая не только сельская, но и районная библиотека. Ряды тяжёлых, солидных фолиантов собраний сочинений классиков отечественной и зарубежной литературы, многоцветье томиков с произведениями модных авторов, которые – стоило только заказать – гарантированно и неизвестно откуда добывали для сына папан и маман Шишкины. По крайней мере, на прилавках книжных магазинов областного центра такая литература не наблюдалась. Иногда в «Доме книги» и при подписке на периодическую печать разыгрывались некие собр. соч., но кто же не знает, что такое лотерея! Александр, правда, и сам в последнее время кое-какие связи в мире книготорговли наладил: перезнакомился с девчухами-продащицами книжных магазинов и периодически похаживал то в один, то в другой, кокетничая-кавалерствуя: цветочек преподнесёт, шоколадку «Алёнка» сунет. Взамен из-под прилавка получал очередной томик «Библиотеки приключений» или «Военных приключений», современного иностранного детектива, отечественной или зарубежной фантастики.

Книги составляли предмет особой гордости Шишкина-младшего, особенно в период студенчества. Собственно, привитая с младых лет любовь к чтению и породила устремлённость на филфак. Саше хотелось полностью и без остатка погрузиться в мир литературы. Настолько полностью и без остатка, что он даже не задумывался, а для чего ему это нужно. Податься в учёные мужи? Литературоведческая стезя и прочие филологические научные изыски его не манили. В качестве сеятеля разумного и вечного на учительском поприще он тоже

себя как-то не просматривал. Но когда школьные годы чудесные подкатили к последнему звонку – встал вопрос о безусловном получении высшего образования. Иное не предполагалось ни Шишкиными-старшими, ни Шишкиным-младшим.

Областной центр в ту пору располагал тремя вузами. Медицинский и политехнический институты отпадали по определению – врачевать и инженерить в планы Александра не входило. А любимую литературу преподавали в «педе» – педагогическом институте. И учиться четыре года, а не пять, как в «политене», и уж не шесть в «меде»... Родительские советы четырёхлетней давности? Да никаких советов не было. Было элементарное перетягивание каната: отец хотел видеть сына инженером, мать – врачом. А сынок – хрясь! – перерубил туго натянутый канат филологическим мечом! Да и четырёхлетний срок тоже представлялся настолько продолжительным, что о последствиях не думалось. Жизнь, как говорится, покажет. Она и показала. Студенческая пора оказалась, на удивление, краткой.

– ...Никогда не думал, что доживу до такого позора, – устало продолжил Сергей Петрович. На сына он по-прежнему не глядел. – Представляешь, Аля, звонок мне сегодня от проректора педа. Напористый такой мужичок – любит всякие депутатские запросы присылать... Но тут... Вот уж... в дурном сне представить не мог... В школу, пока наш учился, ни разу, как помнишь, не вызывали! А тут заявляет мне это институтское... хм... начальство: повлияйте, дескать, на своего великовозрастного отпрыска... Учудил-де на комиссии по распределению... Позор... Стыд и позор! Хорошо, что меня ещё по телефону... но как мальчишку...

«Мальчишки великовозрастных отпрысков не имеют...» – автоматически отметил Александр и снова тут же устыдился. Но вот наличествовала такая гнусная черта в его характере! Более того, когда бы эти цинично-высокомерные комментарии составляли внутренний репертуар, однако, не столь уж редко, Александр, где непроизвольно, но порой и умышленно, их опубличивал. То как «шутку юмора вообще», а то и в чей-то персональный адрес. Как правило, авторитета среди окружающих это ему не прибавляло, а вот спесивой окраски и недругов – обязательно. Язык мой – враг мой...

– Серёж, так ещё не поздно всё переиграть? – У Альбины Феоктистовны мгновенно высохли слёзы.

– Нет! – внезапно выкрикнул Александр. Уж он-то прекрасно понимал, что родителям и суетиться не придётся. Пара телефонных звонков... А перед этим разве что сценка из детства: «А сыночка чего хочешь? Сашенька, что тебе купить? Вот эту большую красную пожарную машину или вот этот зелёный подъёмный кран? А может, ты велосипедик хочешь?..» А насупленный от банальности предложений мальчик отвечает: «Тёпленькое высокооплачиваемое место хочу, например, в облоно» – «А что же ты, маленький, от предложения в институте остаться отказался, да ещё с почти готовой диссертацией?» – «А знаете ли вы, пап-мам, сколько получает ассистент кафедры? Или думаете, что от него далеко ушёл кандидат наук или даже доктор?»

– Нет, – уже спокойно повторил Александр. – Как я решил, так и будет. И позор не в том, что тебе позвонил проректор. Позор сделать то, что он предлагает.

– Ну-ка, ну-ка... – Сергей Петрович с удивлением глянул на сына. – Разъясни отцу да матушке, из чего напёк оладушки?

– Батя, как ты не понял... Он же тебе позвонил, чтобы отметить-ся, задницу свою прикрыть и полезность показать. Мол, сигнализирую со всем пониманием и обеспокоенностью! Отложите, дражайший Сергей Петрович, это в своей памяти... А через месячишко наш Игорь Игоревич к тебе наведается. Обязательно! Вот увидишь. Дескать, посодействуйте, уважаемый Сергей Петрович, кандидату в депутаты областного совета – под вашим началом такая прорва избирателей... Вся железная дорога. И будет самому передовому отряду пролетариата по ушам ездить...

Шишкин-старший тяжело глянул на сына и вдруг раскатисто захохотал.

– Аля, а мальчик-то повзрослел! Незаметно, а поди ж ты!.. – Он внезапно оборвал хохот, помолчал. – Хм... Батя...

Повторил так, как будто коньячку доброго по языку раскатал.

– Никогда ты меня так не называл... Всё пап да папа... Повзрослел...

Шишкин-старший смахнул с полированной зеркальности стола несуществующую пылинку.

–Всё правильно. Наступило, Аля, время и нашему оболтусу коки с сокой хлебнуть! Да! Пора! Пора... Вот и пусть...

Телефонный звонок прервал отцовские умозаключения, а так как аппарат стоял у Шишкина-младшего буквально под рукою, он снял трубку.

– Алло.

– Ну ты чё, Сань?! Договорились же!

– Скоро буду, – Шишкин-младший поспешил положить трубку.

– Кто это? – со стоном спросила мать.

– Это мне. Мы с ребятами наметили... распределение обмыть.

– Что ж, ситуация мотивирована, – насмешливо кивнул Сергей Петрович. – Иди. Чего зазря воздух сотрясать. Ты же всё уже решил.

Александр перевёл глаза на мать. Та, страдальчески закатив глаза, лишь безнадежно махнула рукой.

– Иди-иди, – повторил отец. – Сам проветришься, и мы тут с матерью дух переведём. Слишком много впечатлений для одного дня. Надеюсь, что парад сюрпризов на сегодня закончился? Или мы отныне такие взрослые, что ещё из вырезвителя придётся выковыривать? Предупреждаю сразу: и не подумаю! Ты теперь – сам себе голова, родители – не указ... Но уж нижайше попрошу, Александр Сергеевич, до полуночи обмывание завершить. Нам с матерью завтра на работу. Хм... обмывание... Или обмывку? А, товарищ учитель русского языка и литературы Чмаровской средней школы? Пе-да-гог!..

«Невиданное послабление режима! – тряс головой Александр, сбегая вниз по ступенькам. – Увольнительная до двадцати четырёх!».

И в этом не было ни грама иронии или сарказма!

В старшекласничестве время возвращения домой ограничивалось десятью часами вечера в любое время года. В студенческую пору вечерняя родительская планка милостиво опустилась ещё на час. А ныне? Что это? Новый социальный статус Шишкина-младшего или временное отцовское отступление в силу возникшей для родителей стрессовой ситуации?

Впрочем, тут же яростно подумалось, что это, как и другие режимные ограничения, с неистощимой фантазией изобретаемые отцом под материнский «одобрямс», уже достали донельзя. Сколько Александр себя помнил, он всегда жил в узком коридоре между «нельзя» и «категорически запрещено».

В подростках это переживалось особенно болезненно: брюки-клёш – нельзя, причёску под «битлов» – нельзя, в летних сумерках,

даже в своём дворе, – цигель, цигель! В недельный поход – под началом школьного физрука! – категорически нет!.. Музыка слушаешь не ту, друзья какие-то не те... А не рано ли ты, дорогой наш сын, стал девочек до дому провожать после уроков...

Александр с кинематографической ясностью представил, какой, после его ухода, окажется дальнейшая дискуссия между папан и маман.

Коли отцом была упомяната загадочная «кока с сокой», которую Александр всегда представлял в виде некой архипротивной жидкости, каковую, со слов отца, приходится глотать в непростых жизненных обстоятельствах, то ретирада после телефонного звонка для Шишкина-младшего крайне своевременна и спасительна. Как она была бы к месту и при упоминании не менее таинственного и столь же противного, по убеждению Александра, жизненного пошла под названием «мурцовка». Хотя Шишкин-старший периодически уверял сына, ссылаясь на собственный жизненный опыт, что обе названные жидкости не могут не присутствовать в рационе взросления и возмужания подрастающего поколения, дегустировать их почему-то не хотелось.

Нынче же ситуация и вовсе сложилась аховая: и «мурцовка», и «кока с сокой» одновременно были заказаны единственному сыночке к неминуемому распитию в недалёком будущем.

«Достали! До дисбаланса в организме!» – мысленно орал Александр, шагая по улице. Сколько раз из-за всей этой домостроевской хрени он оказывался в центре насмешек сверстников!

Вспомнилось, как в десятом – выпускном! – классе ему и Лёшке с Наташкой – троице самых толковых школьных рисовальщиков – комитет комсомола поручил к торжественному вечеру нарисовать ордена, которыми Родина наградила к тому времени Всесоюзный Ленинский. Изображения требовались размером в ватманский лист и, понятное дело, максимальной схожести с оригиналами.

Оставшись после уроков, а учились они тогда первое полугодие во вторую смену, «плакатная группа» тщательно зашторила в классе окна, хотя вечер и так густел. Старательный Лёха, дабы обеспечить полную темноту, опустил даже светомаскировочные шторы из толстой чёрной бумаги (тогдашнее нововведение по линии гражданской обороны, порождённое непростыми отношениями Отчизны с южным соседом).

Кромешный мрак позволил эффективно изготовить абрисы будущих шедевров: контуры орденов и составляющих их элементов перевели с первой страницы комсомольского билета на белые ватманские листы посредством эпидиаскопа. Потом взялись за тщательную раскраску с максимальным соблюдением полутонов, особенно на лице великого вождя. Понятно, что процесс подзатянулся. Вышли мастера кисти на широкое школьное крыльцо с радостным чувством исполненного долга и – тут же оказались под конвоем родителей Александра и школьного сторожа.

В густой октябрьской темноте в лицо ударили сразу два фонаря. Мощный железнодорожный – отца и дохлый – сторожа.

Но это полбеды. Оказалось, что вечерняя временная граница уже час как Александром нарушена, о чём всех громогласно тут же оповестил Шишкин-старший.

Хуже того, здесь же, так сказать, «по горячим следам», арт-троица была подвергнута перекрёстному допросу: чем это они занимались в пустой и тёмной школе?

Рисовальные объяснения не прокатили. Сторож разве что крест не целовал, заверяя Шишкина-старшего, что ещё полтора часа назад, когда по домам отправились самые терпеливые учителя и самые нерадивые школяры, которым педагоги дополнительно вдавливали после уроков в головы недопонятое, он самолично, бдительно и ничем не отвлекаясь, обошёл здание внутри, а потом снаружи – и ни души, ни огонька.

Горе-художники, ошарашенные натиском Шишкина-старшего и категоричностью заявлений сторожа, совершенно забыли про опущенные чёрные занавеси на окнах и только растерянно мычали. А Наташа плакала, потому как мадам Шишкина в её адрес и вовсе высказалась недвусмысленно.

Понятно, что поутру Шишкин-старший гремел уже в кабинете директора. Конечно, ситуация быстро прояснилась, но и кратковременного периода её прояснения хватило для распространения всей этой истории среди старшеклассников. Над столь ревностно опекаемым родителями Шишкиным ржали все восьмые, девятые и десятые. Ржали, правда, недолго. А вот последовавшая за всем этим трагедия...

Наташа, умница Ната, с бездонными серыми в зелёную крапинку глазами и длинной, толстой русою косой, доселе благосклонно по-

зволювшая Саше после уроков нести свой портфель аж до дверей квартиры, дочь майора пограничных войск, умница и красавица, в которую Шишкин-младший был влюблён по уши, категорически возненавидела своего кавалера на все оставшиеся полгода школьной жизни. Даже выпускной вечер – эта волнительно-волшебная увертюра якобы вступления в якобы взрослую жизнь – проехал для Александра как-то бестолково и смазанно.

Потом Наташиного отца перевели к новому месту службы, они уехали. И оборвалась последняя ниточка надежды на перемену к лучшему. Ах, как страдала душа Александра, если учесть, что Наташин профиль украшал буквально все поля личного шишкинского томика с «Евгением Онегиным» – портретная галерея милого образа открылась и пополнялась с момента начала изучения этого бессмертного творения великого поэта по школьной программе и до зачисления Саши на первый курс филфака. Там уже страдать стало некогда. Но остались в сундучке юношеской памяти изрисованный самым безжалостным образом великий роман в стихах, бездонность серых в крапинку глаз, русая коса до талии уехавшей Наталии и щемящая светлая грусть – в общем, стандартный набор первой, школьной любви, которая, как известно, редко имеет продолжение. Как-то незаметно проходит, оставляя после себя, иногда на всю оставшуюся жизнь, горчинку убеждённости, что всё могло срастись по-настоящему, навечно, навсегда, а то, что было после, – это уже не то, вторично и бесцветно. И физиология, и даже страсти будущие – сколько угодно, а вот «веточки сирени» – увя...

Филологическое отделение историко-филологического факультета пединститута разительно отличалось от других отделений и факультетов. Собственно, эта тенденция сохраняется и поныне. Студенты «мужескага» пола на филфаке любого вуза – явление штучное. И, естественно, ценятся во всех отношениях, на вес золота, несмотря на то или иное реальное процентное содержание эквивалентов благородного металла в конкретной персоне. Лукавить не будем, девичьим вниманием Саша не был обделён все четыре студенческих года. Как бескорыстным, так и корыстным.

Первое в этой классификации, наполненное быстро увядающей юной романтикой, и угасало соответственно. Второе же отличалось повышенной устойчивостью и выглядело многовекторно.

Ну вот, что есть такое сокурсник Шишкин? Привлекателен и не карлик. Умён и остроумен. Начитан и музыкален. Не жмот и даже галантен. А ещё житель областного центра. Обеспеченный мОлодец. Влиятельные родители и просторная квартира. Ну и так далее, в иных положительных ракурсах. Есть, конечно, некоторые изъяны. Например, язва – да ещё та. Но какой мустанг не брыклив? А вот к пиву и портейну не склонен. Не курит. И не гривенником в кармане побрякивает. Спесь иногда пробивается, так это несложно и сбить, если постараться аккуратно и ненавязчиво...

И ещё. С первого курса – редактор-оформитель литературной стенгазеты факультета.

Вот уж тоже повод для корыстного девичьего внимания! – воскликнет искушённый читатель. И будет неправ. По той простой причине, что речь мы ведём о филологах, пускай и будущих.

Нигде нет такой плотности, с позволения сказать, поэтесс (Да простят автора истинные стражи родного языка за это дурацкое название. Но оно у нас в речи – сплошь и рядом. Как и градация на поэтов и писателей.) Так вот, такого обилия поэтов женского пола на одном квадратном метре вы не встретите нигде. Даже на международных поэтических семинарах или съездах. Там-то рифмующие представительницы прекрасного половины человечества заявляют себя громко и явно. Но в пластах что матёрых, что подрастающих филологов и учителей-словесников, есть ещё и неисчерпаемые залежи поэтесс латентных. И даже, справедливости ради, заметим, нередко более талантливых, чем иные служительницы Пегаса.

Крылатый конь Зевса, как известно, олицетворяет птицеподобное, неистовое преодоление земных тягостей поэтическим духом. Вот почему заклятые жрицы Пегаса беспрестанно и громко заявляют о себе, неутомимо украшают собою любые творческие вечера и посиделки, а ныне, с развитием интернета, уже до треска набили, однако упорно продолжают набивать все возможные сайты своими творениями. Равно как и широким бреднем просеивать Всемирную паутину на предмет заполнения пусть и сомнительных, но громких званий и регалий. Автор знаком даже с парой местных член-корреспондентш некой Академии поэзии и дюжиной кавалерш неизвестно кем учреждённых «золотых» медалей Есенина, Бродского, Ахматовой, Цветаевой и др. Плюс эти ежегодные «золотые перья Руси» по 265 руб. за соответству-

ющий «сертификат», рассылаемый организаторами «конкурса» в обмен на квитанцию об оплате. Ах, вам этого мало? Тогда ждём-с от вас переводика, допустим, на 650 рэ, и вашу грудь украсит медаль!.. Увы, так было, есть и будет, видимо, всегда. Но вернёмся к нашей истории.

Первокурсника Шишкина, настенгазетничавшегося ещё в школе, конечно же, подвела под монастырь (благо – под монастырь женский) характеристика за подписью директора родной школы. Текст характеристики писала бывшая Сашина классная, а уж она не поленилась изложить все его школьные заслуги, когда узнала, что поступать он собрался в педагогический, а не в какой-то там «политен». Почти в родню записывается!

Декан, узрев характеризующие строки, не раздумывал. Стенная печать такой же коллективный агитатор, пропагандист и организатор, как и любое другое периодическое печатное слово! Вождь сказал! И столь ответственную общественную нагрузку возлагать на хрупкие девичьи плечи декан, исходя из огромного профессионального опыта, полагал идеологически ненадёжным.

Воспротивиться первокурсник Шишкин не рискнул, что оказалось не по годам мудро, ибо гневить декана себе дороже. Да и в таком «монастыре-цветнике», как отделение филологии, обладать пусть маленькой, но властью редактора литературной стенгазеты, оказалось очень даже занятно.

Сие ежемесячное настенное изделие вряд ли подходило под определение классика марксизма-ленинизма, как бы декану этого не хотелось и не представлялось. Литстенгазета более напоминала поэтическую анаконду: просторы клеенных в полукоридорную ленту стандартных листов полуватмана ударно наполняли своими творениями гениальные – иных попросту не было! – поэтессы филологического отделения. С ними на полуватманских просторах настырно конкурировали одалиски-новеллистки и прочие зайньки-прозаиньки.

И вот тут-то редакторская власть Саши Шишкина обретала реальность. Он мягко и необидно избавлялся от очередных произведений несимпатичных ему авторш-сокурсниц – благо, нарастающий багаж филологических знаний способствовал этому. И благосклонно допускал к опубликованию сотворённого тех, кому симпатизировал в силу традиционной половой ориентации. Ну и, понятно, исходя из поэтических и других талантов соискательниц печатных площадей.

Наиболее целеустремлённые из сокурсниц, относящиеся ко второй группе классификации, с приближением окончания вуза всё настойчивее и настойчивее штурмовали шишкинские редуты. И так как иногда Шишкин-младший оказывался не столь стоек в обороне, как бы ему хотелось, гордые узлы потенциальных матримониальных отношений затягивались всё туже и туже. Эти узлы теперь требовалось развязать, потому как они стали напоминать уже не хитроумное, но приятное плетение, а банальные петли-удавки. И если ещё за полгода до «госов» расплестись с очередной подружкой было как... два пальца об асфальт, то по мере приближения выпускного денька подобная банальщина стала перерастать в проблему. Это же только в анекдотах блондинки наивны и глупы. В реальной жизни их хватке могут позавидовать бультерьеры!

Исход на село в данной ситуации был универсальным выходом.

«Достали!» – продолжало вопить всё душевное естество Александра, уже адресуясь не только родителям. Параллельно срабатывали оба фактора: необходимость выбраться из-под родительской опеки и, одновременно, сбежать от девичьих грёз-угроз, непосредственно с ним, Александром, связанных. Предстоящее в скором времени отбытие в некий населённый пункт Чмарово представлялось всё более и более обоснованным и мудрым. Шишкин-младший даже с тревогой подумал, что напрасно он изображал благородное равнодушие на комиссии по распределению. Сельская школа, сельская школа! Разве что подайте ту, что поближе к областной столице... Вот в этом-то он маху дал! Во-первых, близость к областному центру не означает, что там школа и условия жизни более-менее. Во-вторых, радиус досягаемости... Сглупил, короче...

Надо было и впрямь, зайти на комиссию, как и подобает краснодипломнику, среди равных, и выбрать, например, тот же Южногорск – ударно развивающийся за полтысячи километров от родных пенатов перспективный посёлок горняков. Там, говорят, идёт такая буйная стройка соцкультбыта, что на благоустроенные квартиры, особенно для ценных кадров, и очереди нет. А учитель разве не ценный кадр? Школа большая. Аж трёх учителей русского языка и литературы запросила! И было бы всё – тип-топ.

Но в отношении Южногорска сработал инстинкт самосохранения: одну из ставочек учителя-словесника там заведомо перекрыла зайка

Зоенька, одна из бывших пассий Шишкина-младшего. У неё там папа с мамой, а папа – ба-альшой человек на южногорской стройке. В общем, это снаряд дважды в одну воронку не падает, а вот человек в одну и ту же яму с фекалиями – запросто.

Нет, Зоенька – замечательная девушка, но после того, как Александр внезапно задружил с её лучшей подругой – явление банальное! – Зоенька, смертельно оскорбившись поначалу, вдруг решила доказать разлучнице, что всё-таки она лучше. Шишкин-младший так надеялся, что отвяжется от обеих, и уже казалось, что мечте суждено сбыться, но Зоенька вновь пошла на штурм, который удалось отбить с трудом. А что делать в Южногорске? Потому Александр южногорский вариант даже рассматривать не стал. Крепок оказался задним умом. Это опосля умная мысля посетила: прибыл бы в Южногорск, пока то да сё, а там молодого, статного мужичья – пруд пруди... И захомутали бы Зоеньку! И на кой тогда её воронке тот же самый снаряд! Да и, собственно, по-любому можно было бы от Зоеньки отбиться, чего уж её хуже татаро-монгольского ига представлять...

Но дело сделано, а снявши бестолковку, чего по шевелюре рыдать.

3.

...Весёлая, шумная вечеринка, нацеленная на релаксацию перенесенных всем выпускным курсом мук ожидания и саму пытку распределения выпускников, окончательно избавила Александра от привычных угрызений и сожалений сыновней и рыцарско-половой совести, а заодно и от запоздалых сожалений по поводу распределения. Всё, что ни делается, всё к лучшему. А там поглядим...

В праздник облегчения быстро втянулся целый этаж институтской «общаги».

– Старик, если мы где-то в тебе ошибались, – прости великодушно! – кричал Мишка Алексеев, известный курсовой горлопан и насмешник, хлопая Шишкина-младшего по спине. – В доску наш! А, мужики?! Никакой блат не включил! Свободу свою бросил на ниву сельского просвещения! Пос-ту-пок! Уважаю!!

И только уже возвращаясь после вечеринки к родным пенатам, Александр подумал о том, каково будет оставшиеся до отъезда полтора месяца смотреть в глаза матери. Изведёт жалостью. Но надо терпеть...

Да уж... Катастрофа ссылки проклятым царским самодержавием великородных декабристов в Сибирь выглядела для Альбины Феоктистовны, в свете предстоящего учительствования сына на селе, увлекательной турпоездкой, организованной Николаем Первым для строптивного придворного бомонда. Но административно заточенным разумом родительница признавала правоту супруга. Любимый и единственный ребёнок рос правильным и хорошим мальчиком, однако по мере израстания в нём всё чаще стали пробиваться эгоистические штришки характера, упёртость и, одновременно, нездоровое стремление всюду самостоятельно искать правду. Понятно, не правду вообще, а свою, упёрто-крамольную. Чувствовала чуткая материнская душа, как исподволь назревает антиродительская революционная ситуация: «низы» уже явно не хотят, а «верхи» уже совершенно не могут. Отпрыск не ведал, а между Шишкиными-родителями последний год то и дело возникала вялотекущая дискуссия на одну и ту же педагогическую тему: кто виноват в том, что мальчик вырос упрямым эгоистом с неправильными взглядами на реальную жизнь, прожить которую ему будет крайне сложно без надёжного родительского прикрытия.

«Боже Святой Вседержитель! – мысленно взывала к небесам член КПСС Шишкина А.Ф.. – Образумь несмышлёного... Образумь, иначе сколько же шишек набьёт мой мальчик на жизненном пути!..». Альбина Феоктистовна даже прикупила в ювелирном магазине золотой крестик, обязала набожную техничку Никулишну освятить его в церкви и до поры до времени запрятала святую реликвию в шкатулочке среди своего ассорти из колец, кулонов, кольцо, брошек-серёжек и прочего дамского драгметалла и бижутерии...

Но одно дело абстрактно рассуждать на темы «Кто виноват?» и «Что делать?», и совершенно иное, когда конкретная ситуация берёт за горло. И Шишкин-старший, и маман Шишкина рассуждать-то рассуждали, но в последнее время больше прикидывали, куда определить своего отпрыска. Варианты были вполне. А тут – на тебе!

С помощью оперативно употреблённых седативных средств Альбина Феоктистовна где-то за неделю смирилась с неизбежным. Конечно, решение сына насчёт Чмарово поначалу так полоснуло по сердцу, что захотелось всё бросить и в это самое Чмарово поехать вместе с ним, как бы её Сашенька не отбрыкивался. Варить ему супы,

стирать бельё... Но вскоре разум возобладал над эмоциями. Ответственная работа, партийный долг. Наконец, куда в таком раскладе подевать папу Серёжу, которому тоже нужны супы и чистое бельё?

Изучение карты области, а также выяснение по своим служебным каналам что есть такое, это Чмарово, на Альбину Феоктистовну тоже подействовали несколько успокаивающе. Две сотни вёрст по асфальту – пустяк для «Волги», село не какое-то богом забытое – центральная усадьба колхоза-миллионера. Председатель колхоза – орденоседец, член бюро обкома КПСС. Председательша – директорствует в школе.

Перед глазами Альбины Феоктистовны развернулись яркими красками эпизоды знаменитой киноленты «Кубанские казаки», в ушах зазвучали раздольные песни оттуда же. И тут же в памяти всплыло каноническое, ленинское: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино». Маман Шишкина вспомнила ещё несколько фильмов своей юности: от «Ивана Бровкина на целине» до «Весны на Заречной улице» и вполне успокоилась. Конечно, у нас не Кубань, но колхоз-то миллионер! Присутствует, стало быть, определённый уровень цивилизации, повыше, чем в иных весях областной глубинки, и это позволит сыну с наименьшими потерями отбыть трёхлетний срок «обязаловки» после института. Ну и, наконец, подумала Альбина Феоктистовна, нельзя не учитывать и под боком нарастающую угрозу...

Обозначим эту угрозу как третий фактор. Решающий. Он уже давненько вызывал сильную обеспокоенность мадам Шишкиной. А так как эту обеспокоенность с ней разделяли – она это чувствовала! – и супруг, и сын, было бы странно, если бы этот третий фактор не сработал.

Дело в том, что по соседству с Шишкиными проживала шумная и компанейская семья обрусевшего, в чёрт знает каком поколении, грека Колпакиди.

Глава семейства, импозантный, зеркально-лысый пузач пятидесяти пяти лет, Георгий Аполлонович, круто рулил по торгово-снабженческой части в областном геологуправлении.

Утром его дожидалась у подъезда чёрная «Волга», она же пунктуально доставляла его на обед и возвращала в семью вечером. И это говорило о многом, потому как даже сам «железнодорожный генерал» С.П. Шишкин, хотя и располагал аналогичной персональной «двадцатьчетвёркой», но она была зелёно-бутылочного цвета. Лич-

ная и вовсе была белая. Только у начальника ж.д. дороги «персоналка» сверкала таким же благородным номенклатурно-антрацитовым гляncем, как у Колпакиди. А уж то, что всемогущая «санэпидеммаршал» А.Ф. Шишкина прикатывала в родной двор на бывшей «Скорой помощи», пугающе расцвеченной кое-где кружками с красными крестиками, – это и вовсе можно расценивать как невероятную близость к народным массам.

Супруга Георгия Аполлоновича, необъятная, громкоголосая, черноокая, в водопаде перманента вороньего крыла, резко контрастирующего с многочисленными, безразмерными, но всегда яркого, пёстро-попугачного рисунка, халатами, Электрина Христопуловна Колпакиди никаких государственных должностей не занимала. Она просто была главнокомандующим фельдмаршалом, совмещая одновременно должности домохозяйки и матери четверых Колпакиди-младших. Объектом повышенного материнского внимания, опеки, заботы и обожания являлись девятилетние двойняшки Офелия и Никас, которых все, включая родителей, попросту звали Олей и Колей, как и сама Электрина Христопуловна отзывалась исключительно на менее экзотическое – тётя Эля.

Старшим среди потомства Колпакиди был тёзка Шишкина-младшего, но тётя Эля никогда не забывала подчеркнуть, что имя Александр первенцу при рождении присвоено исключительно в честь великого македонского царя-полководца. А посему на лестничной площадке соседствовали не мальчики-тёзки, а Александр и Саша, по крайней мере, так делила тётя Эля. Тем паче, что тёзка великого македонца был старше Шишкина-младшего на шесть лет.

Пухлый, как мать, с такими же чёрными глазами-маслинами и пышной, как у Анджели Девис, шапкой исчерна курчавых волос, он производил всем своим обликом крайне обманчивое впечатление оранжерейного маменькиного сыночка.

Дворовые сверстники на это поначалу купились, попытавшись закрепить за Александром Колпакиди соответствующий социальный статус. Но уже первые их потуги – публичная декламация общеизвестного фольклорного произведения «Ехал грека через реку...» – завершились оглушительным побоищем, учинённым в стане насмешников Александром. Естественно, тут же были забыты и стёрты из памяти как маршрут и личность неизвестного греки-путешественника,

так и прочие подробности, связанные с водной преградой на его пути и зловредным раком, покусившимся на здоровье и телесную целостность того самого греки.

Недалёкие одноклассники Колпакиди-младшего пытались приклеить ему прозвище Жирный, на что он единожды заявил, что строго следует народной мудрости: завтрак съедает сам, обедом с ним делятся друзья, а ужин ему отдают враги, потому как с ними он поступает вот так – и Сашенька Колпакиди поколотил обзывал. В общем, не приклеилось к нему и прозвище.

По окончанию школы первенец Колпакиди скоропостижно отбыл к месту дислокации ближней родни тёти Эли – в далекий и, как казалось Саше Шишкину, исключительно оазисный город Симферополь. Там, как информировала соседней тётя Эля, её старший отпрыск благополучно поступил в институт советской торговли. По прошествии требуемого количества лет сей вуз он так же благополучно окончил и принялся успешно трудиться. Тоже в снабженческой сфере, как и Колпакиди-старший.

К описываемому времени Александр на крымской земле окопался, казалось, крепко. Удачно, со слов тёти Эли, женился, родил ей внучку.

По восточносибирской малой родине не ностальгировал. Наоборот, выступал в роли крымского зазывалы, демонстрируя это самым наглядным образом: остальное семейство Колпакиди-старшего с ежегодной регулярностью на летние месяцы убывало в Крым, возвращаясь к забайкальским пенатам накануне нового учебного года ещё более смуглым и шумно-весёлым. И с бездонными корзинами отборного винограда, ароматнейших персиков, яблок и груш, которыми тётя Эля щедро одаривала соседней.

Георгий Аполлонович неизменно появлялся в квартире Шишкиных с парой бутылок отборного коньяка симферопольского разлива и минимум десятилитровой полиэтиленовой канистрой домашнего крымского вина. После недолгих, обязательных по элементарному этикету, препирательств соседские подношения Шишкиными принимались. Но тут же устраивалось роскошное совместное застолье-пиршество, украшенное незаурядными кулинарными изысками тёти Эли – в этом она была вне конкуренции, как минимум, в радиусе Центрального района областной столицы.

Но в последнее время главным украшением застолья выступал не новый кулинарный шедевр тёти Эли. Семейству Шишкиных в очередной раз настойчиво демонстрировалось главное соседское сокровище – Мария Колпакиди, Машенька – тоненькая тростиночка прекрасного телосложения, возрастом на пару лет младше Саши Шишкина, третьекурсница лечебного факультета мединститута.

Что и говорить, Машенька была прекрасна. И эти блестящие чёрные косы, и миндалевидного разреза глаза шамаханской царевны, и всё остальное – настолько восхитительное и многообещающее, по мере её женского развития, что определение девушки как сокровища вполне соответствовало истине. Если к этому добавить, что черноокая красавица с незаурядной сноровкой перенимала у мамы-кулинарки её кухонные способности, а также открывалась с других приятных сторон, например, миленьким музицированием на фортепиано, – она умиляла всех и вся.

Вредные подъездные старушки, часами дежурившие на скамейке у подъезда в любую погоду, вытирали слезящиеся глаза и растроганно сморкались в платочки, лицезрея заботу Машеньки о младших Колпакиди – Оле и Коле, когда старшая сестра сопровождала эту парочку из школы или отправлялась выгуливать их в парке. Ангел, а не девушка!

И только Альбиной Феоктистовной Шишкиной юная прелестница воспринималась тревожно. Материнское сердце всё более и более, по мере взросления сына и соседки Машеньки, наполнялось пугающим, предынфарктным предчувствием беды. Эта восточная красавица отнимет у неё сына раз и навсегда – лишалась сна и покоя маман Шишкина, стоило только, хотя бы на мгновение, появиться в её размышлениях, и уж тем более реально-визуально, соседке Машеньке.

Вежливая, скромная, с бархатным тихим голоском, она прямо-таки зомбировала Альбину Феоктистовну, парализуя её волю. Удав и кролик. Кролик и удав. Роковое наваждение, в котором, конечно, никакой мистикой не пахло. Привыкшая к безусловному и само собою разумеющемуся главенству Шишкина-старшего в семье, Альбина Феоктистовна, грозная начальница и тишайшая супруга, ни умом, ни сердцем не могла разгадать тайну безраздельного господства Электрины Христопуловны над импозантно-вальяжным Георгием Аполлоновичем. Куда только девалась вся эта вальяжность, стоило лишь супру-

ге нахмурить густые чёрные брови и шевельнуть довольно заметными усиками над верхней губой... Ну не в возрасте же дело. Эля всего на два года старше Жоры, подумаешь!.. Прямо гинократия какая-то...

Маман Шишкина тут же переносила эту картину на потенциально-возможный, и тем трагически жуткий, мезальянс, в котором погибнет – конечно, погибнет! и никак иначе! – её единственная драгоценная кровиночка Сашуля-Сашенька.

А девушка и её мамаша настойчиво (чья настырность превалировала, Альбине Феоктистовне становилось определить всё труднее и труднее) обихаживали долговязую и бренчащую костями «драгоценную кровиночку».

Эх, сколько нервов и здоровья сберегла бы маман Шишкина, будь ей известно, что Машенькин девичий напор пугал будущего филолога тоже нешуточно.

С высоты убелённой возрастными сединами мужской житейской мудрости, безусловно, такому напору надо было бы радоваться. Разве плохо олицетворять свет в окошке и благоденствовать аки у Христа за пазухой? Вернее – как у Марии-Магдалены, да не сочтёт читатель сие сравнение за богохульство. Но студент Шишкин ещё не располагал многолетним жизненным опытом, создающим запас требуемой мужской мудрости. Эх, молодость-глупость!.. Ах, эти метания и душевные происки!.. Ох уж эта тяга к свободе!..

Однако природа нашептала молодому человеку некоторую половую избирательность. Ну вот не лежала душа брюнета Шишкина-младшего к прекрасному полу такой же масти! Блондинки, даже крашенные, шатенки, рыжие – да, а вот брюнетки – нет. Наверное, какую-то роль сыграла в формировании подобного мировоззрения громогласная, колышущаяся в своей многопудовой телесности, сверлящая пронзительно-оценивающим взглядом из-под чёрного Ниагарского водопада перманента соседка тётя Эля с её усиками над верхней губой. «Вот и Машка в такую превратится, – вздрагивал юный поклонник блондинок, – кайла-а...»

А дамский греческий тандем всё настойчивее обихаживал потенциального жениха-соседа и его маман. Это уже просматривалось невооружённым глазом, это уже напоминало публичное и самозабвенное исполнение знаменитого танца «сиртаки». Вот и ещё одна весомая причина для Шишкина-младшего свалить из родительского гнезда, хотя бы на некоторое время.

Нет, Саша, безусловно, осознавал, издержки желанной самостоятельности, освобождения от всевидящего родительского ока, от угрозы обретения брачных оков. Последнюю угрозу вообще можно запросто отвести – послать при случае соседку Машеньку подальше вместе с её черноглазой поволокой и актрискиными придыханиями. Но остальное...

Отлёт из тёплого гнезда чреват для птенчика всегда. Например, одновременно Саша лишался хрустящей простыни на постели и возникающих самым волшебным образом по утрам отутюженной рубашки на плечиках в гардеробе, блинчиков с повидлом и сгущёнкой на завтрак, умопомрачительного борща на обед и котлет с румяной хрустящей корочкой на ужин. А это заботливое: «Сыночек, ты обязательно покушай чего-нибудь горяченького на перерыве между лекциями...», сопровождаемое приятным хрустом красненькой купюры из маминых рук... Или батино откровенное: «С девками-то что, небось, по кинушкам обжимаетесь? На-ка, вот. Культурно в кафе посидите...» И из отцовского портмоне в сыновний карман перекочевывала благородная фиолетовая денежка.

Культурно в кафе посидите... Чокнулись предки со своей работой! Да на батину двадцатипятирублевую субсидию вчетвером в центральном ресторане оторваться можно по полной, а с девушкой в любом кабаке и червонца маман – за глаза, ещё и на такси хватит мадемуазель по месту жительства доставить. Слава родительской заботе!

Шишкин-младший вовсе не ёрничал. Одно дело – ежедневная и нудная опека, а другое – эти «милые пустячки». Или как в очередной раз не погрузиться в нирвану благодаря поразительной способности матери доставать неизвестно где модные чехословацкие мокасины «Цебо» или виниловые новинки эстрады?

Но чем-то надо жертвовать в настоящем ради будущего. Это – аксиома. Хотя кому она нужна? Куда справедливее ничем не жертвовать сегодня и уверенно двигаться в Завтра, где тоже всё в порядке. Увы, не получается. Факторы, факторы, факторы... Да и куда денутся мокасины «Цебо» или модный «винил»? Блинчики, борщ и котлеты тоже. А рубашку или простынку учитель Шишкин и сам в состоянии погладить. Без помощи маман и, уж тем паче, Машеньки Колпакиди или... Да неважно! Зато что имеем в сухом остатке? Сво-бо-да! Она радостно встречает у входа в будущее, вернее, у выхода из настоящего. Сво-бо-о-да!!!

...Два летних месяца пролетели незаметно. Ну, во-первых, наличие в педагогическом вузе военной кафедры сняло проблему обязательности исполнения молодым человеком конституционного долга: кратковременные военные сборы по окончании института вылились в непродолжительное военизированное приключение, типа юнармейской игры «Зарница», но для старшего юношеского возраста, завершившееся получением зелёной книжицы – удостоверения личности пехотного лейтенанта запаса.

А во-вторых, офонаревшие поначалу, от решения Александра, родители несколько успокоились. Шишкин-младший поначалу подозревал, что родительское смирение – тактический приём, призванный усыпить его бдительность. Он поставил маман и папан перед фактом, а они поставят его. Но уже перевалил на вторую половину август, а никаких признаков родительского реванша не наблюдалось. Наоборот, мать активизировала суету по сборам сына в сельскую «глубинку»: шёл закуп партий носков, маек, трусов; складывалась в отдельную внушительную коробку какая-то посуда; в другую – комплекты постельного белья, полотенца... А очередное, под каким-то очередным благовидным предлогом, появление в квартире Шишкиных тети Эли и её Машеньки, убедило Александра ещё больше: мать после их ухода что-то такое буркнула. Типа, заколебали.

Ага, подумал Александр, маман, конечно же, многократно описанным в отечественной и зарубежной литературе материнским чутьём, поняла и прочувствовала размер угрозы нарастающей греко-соседской экспансии и потенциальные последствия оной. Это необычайно обрадовало.

Но вместе с тем, Шишкин-младший не мог отделаться от чувства некоего подвоха. Что-то не вырисовывалась окончательно картинка его беспрепятственного убытия в Чмарово.

А вот ведь и вправду – ну как отрицать шестое чувство?!

...Туманным августовским утром в квартире Шишкиных раздался телефонный звонок. Александр ещё нежился в постели, проверяя на практике интереснейшее физиологическое явление: если на двадцать секунд сильно зажмурить глаза, а потом открыть, то спать хочется гораздо меньше. Он так и сделал, когда родительский будильник потревожил его сон полседьмого утра. Зажмурился. А сейчас по телефонному трезвону открыл. Полдесятого. И правда спать хочется меньше. Но хочется. Увы, родители убыли к местам исполнения сво-

их наиответственнейших обязанностей, поэтому пришлось шлёпать к неугомонному аппарату.

– А-а-лло, – зевнул в трубку Александр.

– Это квартира Шишкиных? – телефонная мембрана исторгла бодрый молодой мужской голос.

– Да... – насторожился Шишкин-младший.

– Доброе утро! Как понимаю, я разговариваю с Александром?

– Правильно понимаете. И вам утро доброе.

– Саша, из обкома комсомола беспокоят. Виктор Николаевич приглашает вас сегодня на беседу. Вам удобно подойти к нам часиков в двенадцать? Где обком, надеюсь, вы в курсе?. Подходите прямо в приёмную, на третьем этаже. Без проблем?

– А Виктор Николаевич...

– Второй секретарь

– А по какому поводу?

– Извините, не в курсе. Поручено вас пригласить. В общем, подходите. К двенадцати ноль-ноль. И не опаздывайте, пожалуйста.

Трубка запикала короткими гудками отбоя. Александр вернул её на место, опустился на стул и принял позу роденовского Мыслителя. Хотя размышлять не имело никакого смысла. Значит, таки маман и папан не смирились. Вновь схватился за телефонную трубку, сунул уж, было, палец в наборник. Но кому звонить? Кто втихомолку подсуетился? Да уж... Тогда для чего вся эта возня с коробками? И материнские бесконечные коррективы изрядного списка жизненно важных – «на первых порах!» – в самостоятельной сыновней жизни вещей?.. Скорее всего, отцовская работа. Но коли столь конспиративно, звони не звони – отопрётся на чистом глазу. Да и чего раньше времени гнать волну. Вскрытие, в смысле, поход в ОК ВЛКСМ, покажет.

– У-у-у... – нудно гудел в руке рогалик телефонной трубки. Когда ей это надоело, и она перешла на короткие гудки, Александр вышел из раздумий, опустил трубку на аппарат и пошёл умываться.

Вот уже и чайник зашумел на весёленьком и аккуратном венчике язычков горелки. Новенькую газовую плиту «Gorenje» Шишкиным притартал лично Георгий Аполлонович Колпакиди, интимно заверивший, что на весь областной центр таких плит из братской Югославии поступило только три десятка и только на базу снабжения геологов. Маман Шишкина благосклонно приняла дефицитное изделие. Саша так и не понял, чему она больше обрадовалась, – тому, что заимела

модную импортную плиту, или тому, что оказалась в немногочисленной областной компании владельцев импортного дефицита.

Реакция Шишкина-старшего была более определённой. Отвергнув подношение как подарок и оплатив его реальную стоимость, Сергей Петрович после исчезновения соседа, резюмировал, что таких жуликов надо держать на расстоянии выстрела дальнобойной артиллерии. Понятно, что приговор распространялся на всё семейство Колпакиди, включая и обаяшек Никаса с Офелией... А ведь дети за отцов не отвечают, по-сталински заявлял Шишкин-старший. Ещё бы думал так...

Но и папан, и маман думали, как большинство их поколения. Вслух, на полном серьёзе обличали хапуг и спекулянтов, карьеристов и подхалимов, громили подобную публику на различных партийных собраниях, а дома, почему-то переходя на шёпот, кляли обкомовскую верхушку, номенклатурный «блат», с изрядным пессимизмом обсуждали возможные политические последствия той или иной перестановки в Политбюро ЦК КПСС. Но утром привычно отбывали в свои высокие кабинеты, чтобы вечером вернуться из спецмагазина с картонными коробками, наполненными деликатесами, – знай, мол, наших, не последние люди в области!

Чайник весело засвистел. Тут же в голове у Шишкина-младшего снова, как и при той интимно-доверительной речи Колпакиди-старшего, когда он приволок газовую плиту, зазвучали проникновенная мелодия и рвущие душу слова: «...А путь и далёк, и долог. И нельзя повернуть на-а-зад. Держись, геолог, крепись, геолог...». А, действительно, что ещё остаётся геологу, когда он тащит на спине по таёжным урманам вот этот тяжеленный эмалированный словенский куб?.. И будет тащить, и не бросит – только советским геологам и презентуют, предварительно пососоветовавшись, эту красоту и полезность страны СЭВ!

...Без десяти двенадцать Александр вошёл в отделанную залакированным деревом приёмную. Под ясные очи аккуратно причёсанной на прямой пробор, строгой девушки в тёмном жакете с комсомольским значком на лацкане.

Девушка была хороша. И так похожа на Наташу-сероглазку, что у Александра тут же неприятно заныло под ложечкой.

Это была демоверсия книги - Петров О.Г. Аз, Буки...Viscolicus, или Тринадцать подвигов Шишкина: повесть в историях

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34